

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СРЕДА ФРАНЦИИ В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ (1924–1935 гг.)¹

В статье исследуется показ советской печатью французской политической среды в 1920-е — первой половине 1930-х гг. Рассматривается представление в прессе партийной системы Франции, борьбы основных политических сил. Анализируются варианты презентации французских политических деятелей в зависимости от их политической платформы и отношения к СССР (Р. Пуанкаре, Э. Эррио, А. Марти и др.). Прослеживается восприятие транслируемых в прессе образов населением. Основой источниковой базы исследования стали центральные общественно-политические газеты «Правда» и «Известия», а также журнал «Огонек».

Ключевые слова: СССР; Франция; советско-французские отношения; советская пресса; Р. Пуанкаре; Э. Эррио; А. Марти.

В межвоенный период Франция являлась одним из главных героев внешнеполитических разделов советских периодических изданий. Причины этого имели разнонаправленный характер. С одной стороны, Франция рассматривалась как империалистическая держава, колониальная империя, играющая заметную роль в общеевропейских процессах. Она являлась одним из основных противников Советской России в годы Гражданской войны и сохранила этот статус в последующее время. С другой стороны, повышенный интерес советской прессы к Франции в первой половине 1930-х гг. был вызван активным развитием советско-французских отношений.

Информация о Франции (как, впрочем, и о любом другом государстве) в советской печати 1920-х — 1930-х гг. преимущественно касалась политической жизни. Сведения экономического характера в основном ограничивались материалами об экономическом кризисе в стране и таких его проявлениях как рост цен, безработица, падение уровня жизни. Сфера культуры и науки в массовых

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»).

изданиях была представлена слабо. Исключение составлял «Огонек», в котором появлялись статьи о культурной жизни Франции, а также небольшие сообщения о новинках в сфере науки и техники в рубрике «Окно в мир». Однако «Огонек» не входил в круг чтения значительной части населения СССР.

Развитие французской литературы, почти исключительно левого толка, освещала «Литературная газета»². В издании публиковались произведения французских авторов, обзоры литературных событий, отклики на советские литературные, театральные и кинематографические произведения и т. д. [24, с. 2; 25, с. 4; 26, с. 1; 27, с. 3; 28, с. 3 и др]. Но «Литературная газета» не могла претендовать на массовое распространение. Ее тираж составлял ок. 30 тыс экземпляров, а аудитория была ограничена в основном писательской средой СССР. Таким образом, именно политическая сфера показывалась в печати наиболее полно, и на этом материале формировался образ Франции у большинства советских граждан.

В предлагаемой статье рассматривается формирование в советской печати представлений о политической среде Франции в 1920-х — первой половине 1930-х гг. Хронологические рамки исследования — 1924–1935 гг., т. е. от момента установления дипломатических отношений между СССР и Францией и до заключения между ними договора о взаимопомощи, что явилось пиком развития советско-французских отношений в межвоенный период.

Основными источниками в ходе исследования выступили центральные общественно-политические газеты «Правда» и «Известия» и общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек». Дополнительными источниками стали такие центральные издания как «Литературная газета» и «Крокодил», а также областные газеты Урала и Сибири. При анализе публикаций приоритет отдавался текстовым материалам. Визуальным

² Стоит отметить, что в момент своего появления в апреле 1929 г. «Литературная газета» размещала на первой странице внешнеполитический блок, по форме схожий с такими газетами как «Правда» и «Известия». Однако уже в 1930–1931 гг. этот формат постепенно исчез, и издание переключилось на освещение преимущественно культурных событий за границей, в том числе в специальной рубрике «За рубежом».

материалам — фотографиям, карикатурам, шаржам — отводилась второстепенная роль³.

В начале работы необходимо остановиться на вопросе уровня и формата распространения газетной информации среди населения. В 1920-е — 1930-е гг. для подавляющего большинства советских граждан официальные СМИ (преимущественно газеты) являлись основным источником внешнеполитической информации. При этом зачастую газетная информация потреблялась не напрямую, а опосредованно. Это было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, в рассматриваемое время еще не все граждане СССР были грамотны [44, р. 55–56]. Во-вторых, даже овладевшие грамотностью не всегда были способны понять смысл газетного текста, особенно касавшегося международных проблем, язык газет был сложен для рядового читателя.

В-третьих, доступность газет была ограниченной. Несмотря на растущие тиражи нельзя сказать, что крупнейшие центральные газеты уже «вошли в каждый дом». Так, в Верх-Нейвинской волости Екатеринбургской губернии подписчики в 1923 г. получали только один экземпляр «Правды», два экземпляра «Известий» и три экземпляра «Бедноты» [Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 989. Оп. 1. Д. 16. Л. 106]. В таких условиях заметную роль в деле информирования населения, в том числе о ситуации за границе, играла региональная пресса. В случае с жителями Верх-Нейвинской волости узнавать о событиях за рубежом они могли преимущественно из «Уральского рабочего», который выписывался в количестве 107 экземпляров [Там же].

Внешнеполитическая информация центральных газет распространялась путем перепечатывания в региональных изданиях, в ходе обсуждений на собраниях, лекций по международным отношениям, публичных чтот. Существовал и характерный для ран-

³ С нашей точки зрения визуальные материалы в периодической печати являются особым видом источника и требуют отдельного внимания. Стоит отметить, что проблеме внешнеполитических образов в советской карикатуре 1920-х — 1930-х гг. посвящены многочисленные работы А. В. Голубева [2–8], а также работы М. А. Гулевой, С. Н. Зверевой, М. Е. Ерина, А. де Лазари и др. [9–12, 23].

несоветского времени оригинальный формат живой газеты (постановки по материалам печати), посредством которого среди прочей информации подавались последние новости из-за рубежа⁴. Таким образом, даже при отсутствии прямого доступа к материалам центральных изданий их информация доходила до широкой аудитории. Однако необходимо учитывать, что при многоступенчатой передаче многие «нюансы» и «полутона» политической жизни терялись и мир становился исключительно черно-белым.

Кратко охарактеризуем динамику образа Франции в советской печати. На завершающем этапе Гражданской войны советские издания объявляли Францию одним из главных врагов большевиков. Если с Англией уже в 1921 г. устанавливались экономические связи, Франция стабильно воспринималась как сторонник вторжения в Советскую Россию. В первой половине 1920-х гг. пресса характеризовала Францию как самого упорного противника СССР, центр мирового империализма. Переломным моментом стал 1924 г. В опубликованном докладе Г. В. Чичерина, посвященном установлению дипломатических отношений между СССР и Францией, указывалось, что признание Францией Советского Союза «является завершением целой полосы в истории, в которой французское правительство занимало по отношению Советской Республики гораздо более враждебную позицию, чем другие руководящие государства Европы» [43, с. 1]. Несмотря на произошедшее сближение во второй половине 1920-х гг. образ Франции не претерпел серьезных изменений и сохранил преимущественно негативные черты. Одной из тем, постоянно обсуждаемых в публикациях о Франции и доказывающих антисоветский настрой французской политической элиты, была тема белой эмиграции. Франция была одним из главных центров русской эмиграции в мире. Советская печать постоянно подчеркивала связь эмигрантских организаций с правящими кругами Франции, французским генштабом и полицией.

В начале 1930-х гг. образ Франции в советской печати меняется. Первая половина 1930-х гг. ознаменовалась чередой советско-французских соглашений. В 1932 г. был заключен пакт

⁴ В основном это было рассчитано на сельскую аудиторию [см., к примеру, 34, с. 22–25].

о ненападении, в 1934 г. торговое соглашение, в 1935 г. договор о взаимопомощи. В глобальной перспективе предполагалось оформление многостороннего соглашения, объединяющего кроме Франции и СССР и другие страны Европы. В частности, в рассматриваемое время активно обсуждалось создание Восточного пакта, который так и остался лишь идеей. Публикации о политической жизни Франции стали мягче. Особенно это становилось заметно в период информационных кампаний, посвященных подписанию франко-советских соглашений⁵. Сопутствующей причиной смягчения образа Франции стали антинемецкая и связанная с ней антипольская кампании, на фоне которых Франция уже не выглядела главным врагом СССР.

Ключевое место при показе политической жизни Франции занимало описание партийной борьбы. Советские издания были полны сообщениями о деятельности различных партий. Перед глазами читателей мелькали многочисленные партийные деятели общегосударственного и регионального уровня. Основу партийного спектра составляли консерваторы, радикалы, социалисты, синдикалисты-реформисты и, конечно же, коммунисты.

Параллельно читателей знакомили с весьма широким ассортиментом французских периодических изданий, представляющих разные политические силы. Указание на политическую специализацию газет и журналов должно было сориентировать читателей в безбрежном океане французских СМИ. Эпитеты, даваемые советскими изданиями своим французским коллегам, были весьма экспрессивны. Среди наиболее часто упоминаемых французских изданий были «продажный орган II интернационала» «Попюлер», руководящий орган французской буржуазии «Тан», националистическая «Эко де Пари», левобуржуазная «Суар», реакционная «Либерте» и т.д. Но, несомненно, самым авторитетным французским изданием считался орган ФКП «Юманите». Эта газета рассылалась во все ведущие периодические издания СССР [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 517. Оп. 1. Д. 1742. Л. 105], ее материалы постоянно

⁵ Относительно кампании 1935 г., посвященной подписанию франко-советского договора о взаимопомощи см. [21, 22].

перепечатывались советскими газетами либо использовались при написании собственных статей. Советским читателям указывали, что именно «Юманите» публикует достоверные сведения о жизни во Франции в отличие от других французских изданий, готовых ради прибыли и сенсации на любую дезинформацию.

Несмотря на преимущественно негативные характеристики буржуазной прессы, информация французских изданий постоянно присутствовала в советской прессе. Обзоры зарубежной печати были одним из основных вариантов подачи внешнеполитической информации в это время. Каждый день читатели встречали ссылки на французские издания. Во-первых, материал о ситуации во Франции присутствовал почти в каждом номере «Правды», «Известий» и даже «Огонька». Во-вторых, информация о событиях во многих странах мира строилась на материалах французских газет и журналов. Их информация могла опровергаться, а в нужной ситуации, наоборот, выступала как доказательство правоты советской стороны.

При характеристике партийной системы Франции советская печать постоянно отмечала, что различия в программах и целях партий лишь мнимые. Особенно этот сюжет становился актуальным во время смены кабинета или выборов. В условиях, когда на кону депутатское кресло «партийное знамя, сама партия, партийная программа, партийные традиции, партийная совесть — все это стусевывается, исчезает. Остается одно — желание снова попасть в число избранников доверчивого народа» [14, с. 2]. «Известия» из года в год описывали, как все партии (за исключением, конечно, ФКП) становились хамелеонами. «Радикальная партия забыла о всех своих целях и программах и поплелась как один человек за своим принципиальным противником и политическим врагом — Пуанкаре, единственно потому, что он будет играть решающую роль на предстоящих выборах» [Там же]. Схожая ситуация и с социалистами, готовыми «хотя бы по дешевке продать свои «принципы» за министерские портфели» [16, с. 1].

Регулярно сообщалось о сотрудничестве партий, создании партийных союзов [20, с. 1]. Данный процесс оценивался негативно,

поиск компромиссов между политическими силами воспринимался не как эффективный способ политической деятельности, а как признание слабости своей позиции и предательство своих принципов. Основная мысль публикаций оставалась неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода: при кажущемся разнообразии вариантов у французских граждан нет выбора. Ведясь на предвыборные лозунги, они голосуют за политиков, которые сразу после выборов забывают о данных обещаниях.

Перестановки в правительстве, включая смену премьер-министров, также не влияли на общую картину политической жизни. В июле 1929 г. в условиях, когда Р. Пуанкаре сменил на посту главы правительства А. Бриан, «Известия» разместили тематическую подборку статей. Говоря о политическом развитии Франции после ухода Пуанкаре, газета несколько раз подчеркнула мысль о неизменности внутренней и внешней политики Франции, несмотря на приход «бывшего социалиста» Бриана [17, с. 1]. Использовались отсылки к разным источникам информации, в том числе и к коммунистической «Юманите», и к консервативной «Эко де Пари». Рассуждения о возможных правительственных комбинациях заканчивались констатацией факта: неважно, каким будет правительство — «левым» или «правым», его социальное содержание останется прежним [Там же]. Таким образом, из всего ассортимента политических сил Французской республики только коммунистическая партия представлялась в советской печати в положительном свете, т.е. соответствующей интересам народных масс, способной стабилизировать ситуацию в экономике и строго придерживающейся своей программы т.д.

Образ ФКП конструировался на основе привычных для любой другой зарубежной компартии принципах. Ее члены показывались как активные борцы за права рабочих, бескомпромиссно стоящие на своих позициях. Их деятельность была сопряжена с опасностью, они постоянно находились под пристальным вниманием полиции, подвергались нападениям и т.д. Все это создавало героический образ представителей ФКП.

Отдельной темой в публикациях было стремление французских коммунистов развивать отношения с Советским Союзом, их

восторженная реакция на события, происходящие в СССР. Французские делегации регулярно посещали СССР. Эти поездки освещала и советская печать, и «Юманите». Отличительной особенностью образа ФКП было постоянное упоминание богатого опыта революционной борьбы, характерного именно для Франции. В статьях о деятельности французских коммунистов устойчивым сюжетом были воспоминания о событиях французской революции XVIII в. и особенно Парижской коммуны. День Парижской коммуны являлся одним из важных элементов советского революционного календаря. К этой дате советские издания размещали материалы о героических событиях прошлого и современной деятельности коммунистов Франции.

Политическая жизнь Франции на страницах советской печати была персонифицированной. Значительную часть фотоиллюстраций по теме составляли портреты или групповые снимки политических деятелей. В текстах упоминались члены разных партий, представляющие различные уровни политической жизни. При этом одни лишь мельком показывались читающей аудитории, другие становились олицетворением того или иного события, курса или даже целой эпохи. Рассмотрим наиболее выразительных представителей французской политической среды, отличающихся по форме их презентации в советской прессе.

Основным отрицательным персонажем на политической сцене Франции в 1920-е — первой половине 1930-х гг. выступал Р. Пуанкаре. Он стал в советской печати одним из наиболее устойчивых символов империализма и антисоветизма. Газеты не жалели красок при его характеристике. «Матерый реакционер», сначала он выступал противником признания СССР, потом противником развития советско-французских отношений [30, с. 5]. С его именем прочно связывалась идея похода против Советского Союза и в целом новой войны в Европе. Как активный разжигатель войны Пуанкаре постоянно присутствовал в карикатурах [5, с. 285–286]. «Печатный» Пуанкаре вобрал в себе всевозможные негативные характеристики. В ряде случаев происходила демонизация образа. Так, развивая идею о постоянной жажде крови и стремлении опрокинуть Францию в пучину войны «Известия» сформировали такого

монстра как «Пуанкаре — война»⁶. Причем в текстах этот образ был даже мрачнее, чем в карикатурах.

«Отрицательной силы» образа Пуанкаре хватало, чтобы распространять ее и на других политических деятелей. Пресса активно использовала способ презентации того или иного политика через «значимого иного». Так, в мае 1932 г. неизвестный читателям А. Лебрен показывался как друг Пуанкаре, его кандидат или «умеренный пуанкарист» [33, с. 2; 36, с. 4; 37, с. 1], что сразу создавало негативный образ нового президента Франции.

Столь пристальное внимание печати к личности Р. Пуанкаре не могло не отразиться в общественном сознании. Он регулярно появлялся в речах на собраниях и лекциях по международным вопросам, письмах и т. д. Здесь повторялись газетные установки, и Пуанкаре характеризовался как «кроважидный зверь» [РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 1. Л. 4].

Другим представителем французской политической элиты, постоянно фигурировавшим в советской прессе, был Э. Эррио. Его образ был весьма противоречив. С одной стороны, печать в разные годы говорила о его просоветской позиции. Во время кампании, посвященной подписанию советско-французского пакта в мае 1935 г., его называли выдающимся французским политическим деятелем, «который с французской стороны является автором договора 1932 г. и который с первых же лет существования советской власти активно боролся и борется за дело франко-советского сближения» [41, с. 1], подчеркивалось его содействие успешному завершению франко-советских переговоров весной 1935 г. [39, с. 1; 42, с. 1, др.]. Ранее газеты отмечали и усилия Эррио в деле формирования системы безопасности в Европе [38, с. 3]. Однако образ Эррио как друга СССР нельзя было назвать стабильным. К тому же с Эррио ассоциировались и все кризисы французского правительства, которые приходились на его руководство. В этих условиях Эррио превращался в «прекраснодушного провинциального демократа», нерешительного и неспособного дать отпор финансовому капиталу [35, с. 2].

⁶ Данный образ существовал как в карикатурах Б. Ефимова, так и в текстах. См., к примеру, [18, с. 1].

Неоднозначность газетного образа Эррио находила отражение и в общественно-политической литературе. В частности, в работе Л. М. Волинского указывалось, что дипломатические отношения СССР с Францией были установлены при кабинете Эррио. «Однако это еще не означало действительного поворота в политике Франции по отношению к СССР и не рассеяло атмосферы недоверия, создавшейся в предшествовавшие годы» [1, с. 59]. В глазах советских граждан Э. Эррио не стал положительным героем. Разница между праворадикальным Пуанкаре и мелкобуржуазным Эррио выглядела для читателей незначительной: «Русскому рабочему и русскому крестьянину нужно быть на чеку, и мы с уверенностью говорим, что кто бы ни были у власти Макдональды и Эррио или Керзон и Пуанкаре могила буржуазии роется, а почва для пролетарских революций подготавливается во всем мире⁷» [ЦДООСО. Ф. 3305. Оп. 1. Д. 1. Л. 142–142об.].

Примером политика, в чьем образе в советской прессе преобладали положительные черты, являлся А. де Монзи. А. де Монзи был давно знаком советским читателям, еще со времени его деятельности во главе русской миссии в начале 1920-х гг. Основой для позитивного образа стала его активная поддержка идеи развития советско-французских отношений. В октябре 1924 г. среди материалов о признании Францией Советского Союза присутствовало интервью с А. де Монзи. В нем признание Францией СССР он назвал историческим шагом [43, с. 2], а свою задачу в деле налаживания отношений СССР и Франции видел в создании «моста через бездну, по которому могла бы переходить жизнь» [Там же]. В дальнейшем советская печать будет регулярно вспоминать о его роли в развитии советско-французских связей. К примеру, в публикации о назначении де Монзи министром финансов в апреле 1925 г. он был обозначен как один из виднейших деятелей буржуазной Франции, приблизивший признание СССР [29, с. 4]. В данном случае пресса напрямую отражала позицию официальных лиц. В частности, по мнению Г. В. Чичерина, именно А. де Монзи больше всех других политиков содействовал признанию СССР [РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 46. Л. 143]. Политическая платформа А. де Монзи, согласно

⁷ Орфография автора.

материалам советской печати разных лет, была расплывчатой. Он характеризовался и как «независимый социалист», и как человек, связанный с крупным капиталом [19, с. 1; 29, с. 4]. Данные определения подавались в материалах в нейтральном тоне. Необходимо отметить, что в массовом сознании фигура А. де Монзи не заняла существенного места, в связи с чем его имя не упоминалось при публичном обсуждении международных вопросов или в письмах.

Ряд французских политиков, выступавших за сближение своей страны с СССР, также одобрительно характеризовались в советской прессе. Относительно заключения франко-советского пакта в мае 1935 г. в «Правде» отмечалось: «широко известна работа, проделанная в этом направлении [заключение пакта] бывшими министрами иностранных дел Поль Бонкуром и особенно покойным Луи Барту» [41, с. 1]. Однако их образы нельзя назвать исключительно положительными. Читатели могли помнить, что ранее эти политические деятели обвинялись в антикоммунистической (а значит и антисоветской) позиции или были замечены в симпатиях к тем странам и силам, которые негативно оценивались Москвой. Так, Луи Барту, будучи министром юстиции, говорил про опасность коммунистической пропаганды в армии и на флоте [15, с. 1]. «Социалист» Поль Бонкур на посту председателя совета Лиги наций удовлетворительно относился к позиции Японии в Маньчжурии, а Советский Союз воспринимал как возможного агрессора [32, с. 8; 36, с. 4]. Следствием двойственности образов было отсутствие этих французских политиков среди друзей СССР в сознании большинства читающей аудитории.

Закономерно, что положительными героями среди политических деятелей Франции были члены ФКП. В рассматриваемое время среди французских коммунистов выделялась личность Андре Марти. А. Марти был одним из самых частых французских гостей в материалах советской прессы, в том числе в качестве автора в «Огоньке», «Правде» и т.д. Личность Марти окружал ореол героя. Читатели знали его как последовательного сторонника Советского Союза, активного деятеля Коминтерна. В 1927 г. он был награжден орденом Красной Звезды, его именем был назван судостроительный завод в Николаеве [13, с. 1, 3; 31, с. 1].

При показе А. Марти использовался образ мученика. Регулярно в публикациях говорилось о чинимых правительством, полицией и представителями различных партий препятствиях в отношении Марти. Так, о провале А. Марти на выборах весной 1935 г. «Правда» писала: «Радикалы и социал-фашисты, не один десяток раз изболоченные тов. Марти с трибуны палаты депутатов в реакционных и антисоветских махинациях, поклялись не допустить избрания в парламент героя черноморского восстания. Они объединились на кандидатуре социал-фашиста Бартелеми, великолепно учитывая, что тов. Марти, потеряв парламентский мандат, должен будет отсидеть числящийся за ним долголетний тюремный приговор за выступления против войны и интервенции» [40, с. 1].

Аресты А. Марти вызывали кампании поддержки. Создаваемый в прессе образ транслировало и население. К примеру, в письмах А. Марти представал решительным борцом против империализма и назывался «французским Матющенко французского Потемкина» [РГАСПИ. Ф. 610. Оп. 1. Д. 218. Л. 27], что было прямой отсылкой к растиражированной истории об участии А. Марти в восстании на Черном море в годы французской интервенции в России.

Подводя итог, стоит отметить, что при конструировании политической среды Франции межвоенного периода на страницах советской печати создание негативных образов шло успешнее, чем создание образов «друзей СССР». Ежедневно читатели узнавали новые и новые факты из французской политической жизни, пусть даже в форме коротких информационных сообщений. Действия правых, центристов, социалистов характеризовались весьма экспрессивно. При такой подаче сами факты отходили на второй план, их перекрывали оценочные суждения. Читателей постоянно информировали о деятельности французских коммунистов. Однако значительная часть статей представляла собой сообщения о подготовке ФКП к выборам разного уровня, результатах выборов и т. д. Подобные публикации часто шли без развернутых комментариев и выразительных описаний. Закономерно, что в карикатурах, которые создавали запоминающиеся внешнеполитические образы, представители ФКП отсутствовали. Создавать образ друга с помощью подобного инструмента было гораздо сложнее, чем образ

врага. В итоге положительный образ французских коммунистов был скромнее, чем образ их оппонентов. В данном случае не помогала даже героизация деятелей коммунистического движения во Франции. В общественном сознании укоренились наиболее яркие образы. Именно поэтому печатные образы оппонентов СССР среди французских политиков чаще встречались в публичных высказываниях, чем образы французских коммунистов.

Список литературы

1. Волынский Л. М. Франция. Л.: Лениздат, 1938. 70 с.
2. Голубев А. В. «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941. М., СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 280 с.
3. Голубев А. В. «Часовой, вооружённый карандашом». Германия и немцы в советской политической карикатуре (1922–1939 гг.) // Россия и Германия в XX веке. Т. 2. Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. М., 2010. С. 85–105
4. Голубев А. В. Италия в советской политической карикатуре межвоенного периода // «Друг — зеркало для друга...»: российско-итальянские общественные и культурные связи X — XX вв. М., 2013. С. 304–322.
5. Голубев А. В. Образ Европы в советской карикатуре 20-х — 30-х гг. // Труды института российской истории РАН. 2005. № 5. С. 273–299.
6. Голубев А. В. Образ Польши в советской карикатуре в 1922–1939 гг. (по материалам журнала «Крокодил») // Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern Europe. 2014. Т. 2. С. 197–205. URL: Sztuka_Europy_Wschodniej_B_Art_of_Eastern_Europe-r2014-t2-s197-205.pdf (muzhp.pl)
7. Голубев А. В. Советская политическая карикатура 1920–1930-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 80–102.
8. Голубев А. В. Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов // Россия и мир. 2008. № 1. С. 170–187.
9. Гулева М. А. «Руки прочь от Китая!»: китайские друзья и враги на страницах журнала «Крокодил» (1922–1950 гг.) // Общество и государство в Китае. 2015. № 2. С. 706–729.
10. Гулева М. А. Советская дипломатия и китайско-японский конфликт в изображении «Крокодила» и Шидай маньхуа (1931–1937 гг.) // Общество и государство в Китае. 2018. № 2. С. 900–932.

11. Ерин М. Е. Образы лидеров Третьего рейха в советской политической карикатуре 1930–1940-х годов. Учебное пособие. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2009. 84 с.
12. Зверева С. Н. Советская внешнеполитическая карикатура 1930-х годов: Опыт источниковедческого исследования // Источниковедческие исследования. Вып. 1. М., 2004. С. 193–218.
13. Известия. 1927. 13 нояб.
14. Известия. 1928. 6 марта.
15. Известия. 1929. 17 фев.
16. Известия. 1929. 29 июня.
17. Известия. 1929. 31 июля.
18. Известия. 1930. 18 нояб.
19. Известия. 1931. 29 марта.
20. Известия. 1932. 25 мая.
21. Каменская Е. В. Региональная печать во внешнеполитических информационно-кампаниях 1930-х гг.: пример советско-французского пакта 1935 г. // Актуальные проблемы региональной истории. Памяти учителей: Аркадий Андреевич Тронин (1931–2016), Степан Парфёнович Зубарев (1911–1994), Михаил Андрианович Садаков (1916–1993): материалы II Всероссийской с международным участием научной конференции; Ижевск, 13 апреля 2021 г. / отв. ред. и сост. В. В. Пузанов, Д. В. Репников. Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2021. С. 284–292.
22. Каменская Е. В. Советско-французский пакт 1935 г. в контексте международных отношений середины 1930-х гг. (по материалам советской печати) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2021. № 21. С. 105–121.
23. Лазари де А. Поляки и русские глазами друг друга // Beyond the Empire. Images of Russia in the Eurasia Cultural Context / ed. by Tetsuo Mochizuki. Sapporo: Hokkaido University, 2008. P. 111–129.
24. Литературная газета. 1931. 19 марта.
25. Литературная газета. 1932. 17 дек.
26. Литературная газета. 1932. 23 дек.
27. Литературная газета. 1934. 16 янв.
28. Литературная газета. 1934. 20 янв.
29. Огонек. 1925. № 17.
30. Огонек. 1926. № 36.
31. Огонек. 1930. № 28.
32. Огонек. 1932. № 5.
33. Огонек. 1932. № 15.

34. Персонов И. Живая газета в деревне. М., Л.: Долой неграмотность, 1927.
35. Правда. 1926. 3 окт.
36. Правда. 1932. 11 мая.
37. Правда. 1932. 14 мая.
38. Правда. 1932. 30 нояб.
39. Правда. 1935. 8 мая.
40. Правда. 1935. 10 мая.
41. Правда. 1935. 13 мая.
42. Правда. 1935. 14 мая.
43. Уральский рабочий. 1924. 30 окт.
44. Brooks J. The Press and the Public Adjust to a New Normal, 1918–1935 // Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia Edited by Damiano Rebecchini and Raffaella Vassena. Vol. 3. Milan: Ledizioni Ledi Publishing, 2020. P. 43–81.

Ekaterina V. Kamenskaya

Ural Federal University, Ekaterinburg

THE POLITICAL ENVIRONMENT OF FRANCE IN THE SOVIET PRESS (1924–1935)

The article is devoted to the analysis of the French political environment in the Soviet press in the 1920s — the first half of the 1930s. The author considers the representation of the French party system, the struggle of the main political forces. The options of the presentation of French political figures are considered, depending on the political platform and attitude to the USSR (R. Poincare, E. Herriot, A. Marti, etc.). The perception of newspapers images by the Soviet population is examined. The main sources of the research were the central socio-political newspapers “Pravda” and “Izvestia”, as well as the magazine “Ogonyok”.

Keywords: USSR, France, Soviet-French relations, Soviet press, R. Poincare, E. Herriot, A. Marti.